

**АРХИМАНДРИТ
РАФАИЛ
(КАРЕЛИН)**

**ТАЙНА
СПАСЕНИЯ**

архимандрит Рафаил Карелин

**Тайна спасения: Беседы о
духовной жизни. Из воспоминаний**

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2011

УДК 27-58
ББК 86.372

Карелин а.

Тайна спасения: Беседы о духовной жизни. Из воспоминаний /
а. Карелин — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2011

ISBN 978-5-7789-0134-6

Книга «Тайна спасения» – это беседы о духовной жизни, о том, что открывается человеку на его пути к Богу, что вызывает радость и скорбь, заставляет порой останавливаться и с болью всматриваться в своё собственное сердце, а также – воспоминания отца Рафаила о замечательных подвижниках уже ушедшего XX столетия, с которыми Господь по милости Своей свёл его в этой жизни.

УДК 27-58

ББК 86.372

ISBN 978-5-7789-0134-6

© Карелин а., 2011
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2011

Содержание

От издательства	6
Беседы о духовной жизни	8
Тайна спасения	8
Найти Бога и самого себя	11
Верю ли я?	14
О молитве	17
Блаженны нищие духом	20
Стяжание благодати	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Архимандрит Рафаил (Карелин)

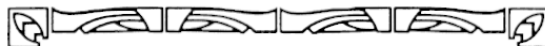
Тайна спасения. Беседы о духовной жизни

Рекомендовано к публикации

Издательским Советом Русской Православной Церкви

ИС 11-106-0622

От издательства

Без сомнения можно сказать, что архимандрит Рафаил (Карелин) – один из наиболее оригинальных и самобытных церковных писателей наших дней. И в то же время – один из наиболее издаваемых. Ему принадлежит множество проповедей, полемических статей, посвященных актуальным вопросам современной церковной жизни, статей, в которых рассматриваются различные проблемы аскетического и нравственного характера. Они достаточно разноплановы, разнотемны. Но вместе с тем если пытаться как-то охарактеризовать творчество отца Рафаила в целом, то можно сказать так: это автор, а точнее, человек, который стремится всегда и во всех обстоятельствах говорить в первую очередь о том, что *едино есть на потребу* (Лк. 10, 42), то есть о спасении.

Ведь действительно: и говорят, и пишут, и полемизируют сегодня о многом. Но, к сожалению, главное очень часто остается в стороне, остается забытым. Главное же – человеческая душа, которой, по слову Спасителя, не стоит весь мир (см.: Мк. 8, 36). Душа и ее сокровенная в Боге жизнь. И это, конечно, не может быть случайным. Для того чтобы рассуждать о тонких богословских вопросах, нужно хорошо изучить богословие. И для того чтобы рассуждать о проблемах, стоящих перед Церковью сегодня, – столь же хорошо изучить церковную историю.

Для того же, чтобы говорить и писать о душе и ее жизни, нужно хорошо узнать душу свою и души других людей. А это – гораздо сложнее. Надо быть очень строгим и внимательным по отношению к себе, чтобы на самом деле понять: что есть голос души и что – голос страсти; к чему стремится душа ради любви к Богу и к чему – по любви лишь к себе самой. И в то же время необходимо научиться любить тех, кто рядом: ведь только тогда сквозь несовершенства и недостатки, немощи и пороки можно разглядеть в людях то доброе и чистое, что, несмотря на испорченность человеческой природы, сохранилось в них, то, за что любит человека Господь.

Иными словами, для того чтобы писать о духовном, надо стать духовным, надо принять Дух, а для этого – дать свою кровь и свой пот. То есть необходим подвижнический опыт, плодом которого становится истинное, неложное слово о пути спасения. Подобный духовный «плод» и предложен читателю настоящей книги: в рассуждениях, в мыслях автора, в его кажущихся порой слишком жесткими и безапелляционными оценках.

Порой приходится сожалеть, что, как правило, архимандрит Рафаил избегает говорить о себе, а если и допускает это, то больше по необходимости, очень вскользь. Поэтому и издания его книг, вызывающих столь большой интерес, оказываются лишенными каких бы то ни было биографических данных о том, кому они принадлежат. Однако автор – монах, и тем его нежелание писать о самом себе вполне объясняется.

Впрочем, не будет, наверное, большой ошибкой сказать, что биография отца Рафаила, его лицо – это и есть его книги. В них он открывается как человек удивительно тонкий, глубокий и, что, пожалуй, важнее всего, удивительно искренний. Он совершенно не терпит ничего, что заключало бы в себе хотя бы самую незначительную ложь или лукавство. Этим объясня-

ется «жесткость» и «безапелляционность» его суждений, его убежденность в том, что «путь мученичества» превосходнее «пути компромиссов».

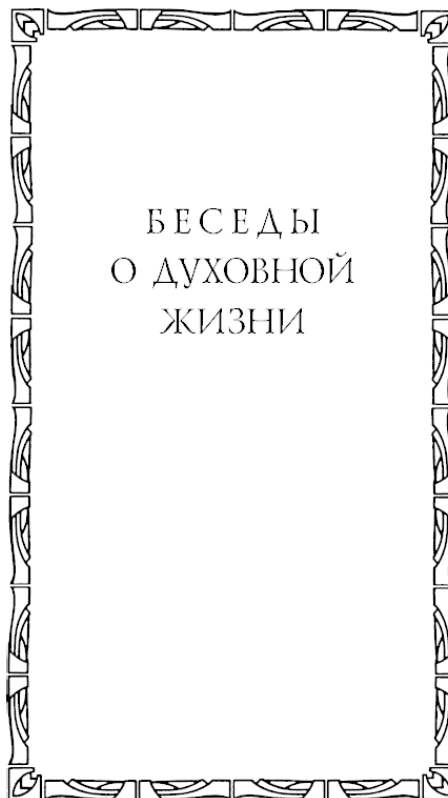
Однако надо также сказать и о том, что эта книга, «Тайна спасения», имеет одно существенное отличие от всех, издававшихся прежде. Она состоит из двух частей. Первая – беседы о духовной жизни, о том, что открывается человеку на его пути к Богу, что вызывает радость и скорбь, заставляет порой останавливаться и с болью всматриваться в свое собственное сердце. Здесь – исполненные поразительной силы слова о том, как достичь блаженства, доступного лишь сознательно обрекающим себя на подлинную «духовную нищету». Здесь – учение о молитве, которая должна стать для христианина главным делом его жизни, ее стержнем. И здесь же – отблески той Божественной красоты, перед внезапным откровением которой замирает иногда в безмолвном восхищении человеческая душа и которой ищет затем всю жизнь в слезах покаянного плача.

Вторая же часть – воспоминания отца Рафаила о замечательных подвижниках уже ушедшего XX столетия, с которыми Господь по милости Своей свел его в этой жизни¹. Их образы удивительно яркие, какие-то пронзительные, они буквально приковывают к себе внимание читателя. Но опять-таки: от этих людей вновь приходится мысленно возвращаться к автору, пишущему о них с такой любовью. И конечно, гораздо больше, чем прежде, открывается в воспоминаниях об этих подвижниках он сам: понятным становится, что как человек, как монах и священник, а вслед за тем и как писатель он сформировался именно благодаря своему общению с ними.

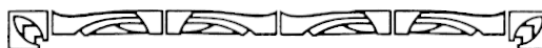
И еще. Тот, кому сначала отец Рафаил покажется чрезмерно «строгим», дочитав книгу до конца, убедится, что столь же строг он и к самому себе. Причем в последнем случае строгость эта похожа, наверное, даже на безжалостность. И происходит она, как кажется нам, от невозможности хотя бы в чем-то кривить душой или лукавить перед лицом истины. Ведь истина с примесью пусть даже и самой малой доли лжи уже не истина, но та же ложь. А только в свете истины, в ее постижении может открыться человеку самая главная тайна – тайна спасения.

¹ Значительную часть этого раздела (воспоминаний) составляют материалы, поступившие в распоряжение издательства сравнительно недавно. Поэтому фамилии, годы жизни, а также иные биографические данные некоторых упоминающихся здесь подвижников уточнить на момент издания книги, к сожалению, не удалось. – Ред.

Беседы о духовной жизни

Тайна спасения

Господь, сотворив Адама, вдунул в него Свое дыхание. Здесь говорится не только о душе как об образе и подобии Божию, но и о благодати Божией, той силе, которой лишены остальные существа, обитающие на земле.

Праотцы были поселены в Едеме – земном раю. Но сам Едем – дивный прекрасный сад – знаменовал собой внутренний Едем – духовное состояние первых людей, которые находились в постоянном общении с Божеством. Адам и Ева были безгрешны, но не совершенны. Эта чистота была не зависящей от них природной данностью – даром Божиим. Но, чтобы усвоить этот дар, чтобы чистота стала не природным, а личным свойством, необходимо было испытание.

Основой богообщения в раю была не безгрешная природа Адама, а благодать Божия, обитавшая в нем. Поэтому основой спасения и вечной жизни является благодать, а путем от потерянного Едема к небесному раю – стяжание благодати. Благословение праотцев, символические обряды ветхозаветной Церкви и таинства Церкви новозаветной – всё это средства стяжания благодати. Своими собственными силами человек не может спасти себя, как не может одним лишь усилием воли остановить старость или преодолеть смерть. Метафизикой спасения является учение о благодати Божией, тех божественных энергиях, в которых Бог открывается миру и общается с человеком. В сущности говоря, христианская аскетика – это учение о тех условиях и состояниях, когда благодать может действовать в душе человека.

Либеральное мышление приписывает спасение одной нравственности, то есть повторяет ересь пелагианства о самоспасении человека. Грех также имеет свою метафизику, те страшные глубины, о которых даже не подозревает либеральное и гуманистическое мышление – от античных времен до наших дней. Для гуманистов и либералов грех – это только ошибка, дурная привычка или излишество. По их представлению, достаточно осознать грех, а затем будет легко исправить его, так же, как резинкой стереть каракули ребенка на бумаге. Но на самом деле грех представляет собой измену Богу и тайный союз с демоническими силами. И оттого в каждой греховной мысли есть элемент сочувствия демону, а в греховной привычке – любовь к сатане. Поэтому в грехе заложена, как бы запрограммирована смерть. И, напротив, благодать Божия ощущается душой как жизнь. Каждый из нас имеет опыт потери благодати, и к этому состоянию слово «смерть» подходит больше всего. Мы чувствуем, что самое драгоценное покидает нас, уходит от нас. Мы испытываем глухую тоску и томление, как бы приближаясь к вратам смерти. Наша собственная душа кажется нам темной могилой.

Благодать была дарована праотцам, ее надо было только хранить. Но после грехопадения, когда первородный грех, как наследственная болезнь, живет в человеке, как язва разъедает его душу, благодать необходимо искать, как потерянное сокровище, стяжевать и хранить ее в непрестанной борьбе с грехом, который источает наша падшая природа, находящаяся под воздействием темных сил. Метафизика греха – это вечное демоноуподобление, поэтому грех – самое большое несчастье и самое большое зло на земле.

Гуманист Сократ сказал: «Познай самого себя», но несмотря на свой великий ум, он не смог познать свою собственную душу и объяснял грех незнанием, которое можно преодолеть через воспитание и обучение. Однако сам же Сократ и выявил несостоятельность такого объяснения. Его любимый ученик, его воспитанник, которого он спас в бою от смерти, показал себя искусным интриганом, а затем – предателем Афин.

Только благодать Божия открывает человеку ужас вечной смерти. Поэтому святые, видя человеческую природу в падении, оплакивали свою душу день и ночь. Современные либеральные представления о возможности спасения, то есть богообщения, без благодати Божией, происходят от той же духовной лжи, от неведения греха, вкоренившегося в человеке, въевшегося в его природу, победить который может только благодать. Эти именующие себя христианами язычники повторяют догмат гуманизма: «Человек – это звучит гордо», но «диавол» – звучит еще более гордо, поэтому гуманизм, ставящий человека на место Бога, в конце концов, ставит демона на место человека.

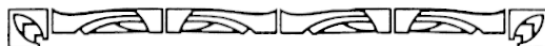
Господь сделал нечто даже большее, чем творение мира и создание человека. Он заменил падшего человека Собой. В этом произошло искупление на метафизическом плане. Здесь изменилась духовная ситуация: демон потерял господство над человеком и стал по отношению к нему силой внешней; он не может властвовать над христианином, так как после крещения Христос Сам невидимо обитает в человеке и благодать царствует в его сердце.

Царство Небесное обещано Церкви. Церковь – это преддверие Небесного Царства, как бы паперть перед вратами Небесного Храма. Церковь – это поле благодати, без которой человеку невозможно соединиться с Богом. Кто не в Церкви, тот остается со своей неизцеленной греховной природой, а грех – это центробежная сила. Значит, кто не в Церкви, тот в сокровенных глубинах своей души против Церкви. Только благодать крещения и причащение могут изгнать темный дух из человеческого сердца, свергнуть сатану с престола души. Гуманисты же считают, что это под силу и самому человеку, стоит лишь «засучить рукава».

Мы говорили преимущественно о природе человека, которая едина для всего человечества, следовательно, представляет собой родовое понятие. Но человек так же представляет собой личность, которую можно условно и не вполне точно назвать по отношению к природе понятием видовым. Личность обладает возможностью выбора, поэтому она может на всех этапах духовного пути принимать благодать, то есть стараться покорить себя благодати, или отвер-

гать благодать, сопротивляясь ей. Без искупления человеческой природы Спасителем невозможно спасение личности, а без воли человека невозможно общение с благодатью. В этом – тайна спасения.

Найти Бога и самого себя

Спасти́сь – значит найти Бога и самого себя. Каждый человек – неповторимое явление, в этом выражены премудрость и красота Создателя. Некоторые считают спасением отказ от себя как личности и индивидуальности, растворение в какой-то общей, абстрактной идее. Это, как нам кажется, заблуждение.

Человек должен освободиться не от себя, а от чуждого в себе, сохранив свою личность и индивидуальность как дар Божий. Если бы целью творения было обобщение и унификация, то Господь мог сотворить нас в виде одинаковых геометрических фигур. Каждый человек имеет неповторимую телесную структуру. Это знак того, что каждый имеет и единственную во всем мироздании душу. И в этом как бы приоткрывается нам красота Божия, отображенная не в однообразии, а в многообразии Своего творения.

Человек должен найти себя среди чуждого, вторгшегося в него, обступившего со всех сторон. А чуждое – это грех, страсти и мир. Но на духовном пути часто встречается именно такая ошибка: чтобы освободиться от чуждого и наносного, человек ломает не только грех, но и себя, уничтожает данную ему от Бога неповторимость своей личности, то есть лицо своей души. Это похоже на то, как если бы реставратор, вместо того чтобы очистить картину от копоти и грязи, загрунтовал ее и написал на том же холсте другую картину, да при этом еще и неумело.

Нам кажется, что есть две опасности на духовном пути, когда человек калечит себя, свою жизнь, как певец, который поет чужим голосом, – это принуждение, то есть насилие, и подражание. Человек может подражать примерам из книг, встречающимся ему людям, абстрактному и идеальному образу, созданному им в мечтах, забывая при том, что этот пример – жизнь другого человека, отражение другой личности и другой индивидуальности, а абстрактный образ всегда соединен с разгоряченной мечтательностью и не имеет к нам как конкретной реалии никакого отношения. Это подражание другому тесно связано с воображением и потому становится для души прокрустовым ложем, если она ориентируется не на дух, а на внешнее. Мы всегда остаемся собой, другой личностью мы не станем никогда, но свое «я» мы можем испортить и покалечить, то есть потерять свой путь. Нам нужно найти свое, поэтому человек, учитывая опыт и пример других, должен не отождествлять себя с ними, а исходить из самого себя, только отличать, что наше, а что чужое, что присуще нашей душе, а что наносное. Он должен решить задачу – в пересекающихся линиях найти свой, а не чужой путь. В служении Богу, в духовной жизни важно не терять своей личности, но не того, что считает личностью мир, – сгустка гордыни и тщеславия, – а своей внутренней неповторимости, такой же, как и узор на пальцах или тембр человеческого голоса. Если это не будет найдено в духовной жизни, человек будет фальшивить, подделываться под кого-то – под персонажей прочитанных книг, под окружающих людей или свою собственную мечту. Но в то же время здесь очень важно ни в коем случае не отождествлять себя со своими страстями, привязанностями, со своей гордыней, со своим неестественным состоянием, так же, как не отождествляет себя со своей болезнью больной.

Человек находит себя, только борясь с грехом: он как бы выкапывает и извлекает себя из земли своих страстей. Как отличить голос греха и страстей от голоса души? На голос греха сердце отзывается тревожным чувством, оно или затаившись молчит, или, образно выражаясь, стонет. Грех сжимает человеческое сердце, делает его маленьким, узким и серым. Некая тень падает на человека – тень грядущего возмездия. Голос страсти сопровождается чувством наслаждения, при этом ум как бы смежает свои глаза, погружается во тьму, а внимание сливается с чувством наслаждения, пьет его как чашу с опьяняющим сладким напитком. По своему

действию наслаждение – это усыпление, погружение в подсознание, в процесс, не имеющий цели, то есть когда целью становится сам процесс или мутная радость нервов и крови, похожая на странное удовольствие, которое испытывает человек, расчесывая на своем теле лишай или рану. Признак страсти – погашение ума (будь это гнев или похоть), чуждая душе излишняя привязанность к кому-нибудь или чему-нибудь, мысль, что мы не можем жить без этого («другого»). Более того, подсознательно предмет страсти приобретает для нас значение самого Божества.

Следование своему пути приносит человеку чувство мира, а при действии благодати, когда снимаются все противоречия, – великий покой и внутреннюю свободу, как будто у него расширяется сердце (духу становится в сердце не тесно). И еще – чувство радости. Чужой путь редко дает радость. Духовная радость может присутствовать и при глубоком покаянии человека. Здесь не эмоциональная земная радость, а мир сердца, озаренный теплым светом. Когда благодать в душе говорит: «Это мое», – там нет сомнений; а когда вместо духа страсть говорит: «Это мое», – то сомнения и смущения возникают в сердце, колеблют и тревожат его. Но страсть своей агрессивной энергией подавляет тревогу, отгоняет сознание от сердца, как пса от чужого двора, и заставляет рассудок лгать самому себе.

Итак, первое, как нам кажется, зло – это внешнее подражание примерам, в котором всегда присутствует артистическая игра. Даже если эта игра будет сопряжена с трудами, доходящими до степени подвига, то такой подвиг окажется для души внешним. Второе – это насилие: насилие мира (по словам аскетов, обычаи мира – это пылающие страсти), насилие со стороны наших близких, которые желают, чтобы мы были подобны им. Родители, давшие жизнь детям, нередко на уровне подсознания хотят жить в своих детях, поэтому насилуют личность своего ребенка, который является не слепком со своих родителей, а иным существом. Против этого насилия нужно мужество и смирение; впрочем, мужество и смирение, правильно понятые, это одно и то же. Смирение без мужества превращается в трусость, капитуляцию перед внешней силой, мужество без смирения превращается в дерзость, желание ответить ударом на удар.

Еще один вид насилия происходит от неопытных духовных руководителей. В духовном руководстве надо обладать способностью чувствовать чужую душу. Духовными руководителями не «назначаются», количество прочитанной литературы не делает человека духовным наставником. Здесь нужны способности, интуиция, благодать Духа Святого, чтобы видеть душу каждого человека, чувствовать ее, помочь человеку найти самого себя и свой путь. Духовник, который действует по шаблону и схеме, как психолог, будет калечить своих детей. Душа человека глубже всех систем и теорий. Духовный отец должен обладать тем зрением, которое видит лицо души, как бы входит в другую личность, видит ее изнутри, принимает на себя. В двух одинаковых ситуациях для двух различных людей он может указать противоположные решения, на один и тот же вопрос дать разные ответы. Неопытный руководитель будет вспоминать, что он читал у того или другого святого отца, как бы беря с полки вслепую лекарство и давая его человеку, не зная, чем тот болен. Духовным руководителем невозможно сделаться по заказу, как невозможно сделаться поэтом, начитавшись стихов, – это дар Божий, это та древняя харизма, которая пусть в ослабленном и сокрытом виде, но все еще действует в современной нам церковной жизни.

Приведем еще пример: иной неопытный духовный руководитель может быть похож на врача, который, окружив себя справочниками, выписывает рецепт, даже не видя больного и его болезнь. Бывает и так: «духовный руководитель» считает, что, получив священный сан, он получил вместе с ним и гарантию безусловной правильности всех исходящих от него советов и решений; поэтому свои советы и указания пастве он расценивает как церковное таинство. Он обычно вообще не читает никаких духовных книг, полагая, что рукоположением уже освятились его мысли. В беседе такой человек чем-то напоминает пьяного, который убежден, что если он толкнет столб, то тот свалится. Столб не свалится, но он может сильно покалечить

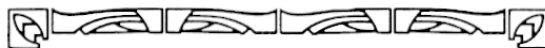
человека, встретившегося на его пути. Есть «духовные руководители», которые подыгрывают страстям и желаниям духовных детей из тщеславия или чтобы вызвать у них привязанность к себе. Человек любит того, кто оправдывает его страсти. Бывают «старцы», которые набирают духовных детей только для того, чтобы послать их на свой огород.

Если духовный руководитель не будет интуитивно чувствовать души своих духовных детей, то он чаще всего будет впадать в две крайности – или станет проявлять излишнюю осторожность, предоставляя болезни спокойно развиваться, а язвам гнить, или – что свойственно неопытным, но решительным врачам – не использовав всех средств, сразу станет применять шоковую терапию и ампутацию.

Господь дал каждому человеку какой-то талант. Это очень удачное слово: талант – это мера золота. Бог, как родитель, дал каждому из людей в наследство особые способности и определенное призвание. Необходимо только найти их, не ошибиться, не променять присущее своей душе на чужое, что будет для человека внешним и безжизненным. Человек не должен заменять себя другим. Евангелие – это Личность Самого Христа Спасителя: оно божественно и в то же время глубоко человечно. Поэтому каждый человек найдет в нем самого себя. Евангельские заповеди дают широту и свободу внутренней жизни. Христос предостерегал Своих учеников, чтобы они не заменяли заповеди внешним регламентом, формулами жизни, когда личность и индивидуальность не ориентируются на идеал Евангелия, а подавляются формальными законами. В этом принципиальное различие между христианством, возрождающим личность в Боге, и талмудизмом, заключающим человека на всю жизнь в железный корсет правил, законов, разрешений и запрещений, чтобы выработать обобщенный тип иудея. Евангелие в своем универсализме обращено к личности, а талмуд обращен к этносу как к самостоятельному субъекту и высшей ценности. В исламском фатализме личность обусловлена, предопределена; здесь царит закон необходимости. В индуизме и буддизме личности как реалии вообще не существует, она только мимолетная форма общего бескачественного бытия.

Понятия личности и свободы неразрывно связаны между собой. Христос открыл нам безграничные внутренние просторы свободы, как бы новые сменяющие друг друга горизонты при восхождении ввысь. Это возможность жить в соответствии с образом и подобием Божиим, дарованным человеку. Это возможность при помощи благодати Божией избавиться от рабства греха, возвратиться к себе, а от себя к Богу, сделаться снова из духовной интеллектуальной амёбы богоподобной личностью.

Верю ли я?

Бывают минуты, когда человек перед лицом своей совести спрашивает себя самого: а, собственно говоря, верующий ли я?

Рассматривая свою душевную жизнь как неуправляемый поток помыслов, крутящихся в сознании, будто струи реки в водовороте или взбудораженный осиный рой; фиксируя в своем сердце чувство постоянной тревоги от ожидаемых бед и потерь, которые, точно незваные гости, стоят у дверей; испытывая постоянное желание приобрести и боязнь потерять; рассматривая свою растленную волю – этого гниющего на постели паралитика, – я начинаю сомневаться: верующий ли я? Христианин я или деист, допускающий существование Бога только как трансцендентного Разума, Который создал мир, а затем предоставил его самому себе? Я знаю, что это тайный голос темного духа, но в то же время душа моя, как Ева змею, внимает ему. Казалось бы, сомнений в бытии Божиим быть не должно. Бог постоянно дает моей душе свидетельства Своего существования, более глубокие и твердые, чем даже те, которыми доказывает факт своего бытия мир, воспринимаемый органами наших чувств. Но почему-то эти свидетельства, которые переживаются как несомненные, затем не оставляют в сердце следа, как письма, написанные на воде; вернее, от них остается только смутное неопределенное воспоминание.

Бог неоднократно за время жизни человека являет ему внешние доказательства Своего присутствия. Когда бессильна человеческая помощь, когда кажется, что выхода нет, Он неожиданно изменяет любую ситуацию, как бы открывает дверь тюрьмы. Он безгласно говорит душе: «Я близ тебя, не бойся, только верь». Но проходит время, и человек бессовестно забывает об этом. Более того, тайный голос шепчет ему: «Это всего лишь совпадение, высшего Промысла нет, жизнь – цепь случайностей, непрестанно тасуемая колода карт». Человек, получая доказательства помощи Божией, удивительно легко теряет их, как будто демон похищает воспоминание из его памяти, как птицы выклевают зерна из колосьев пшеницы. Святые предупреждали нас о роковом грехе забвения; в числе трех главных причин гибели души они ставили забвение, которое, как черная пелена, окутывает ум человека, и тот перестает видеть свет. Святые заповедуют нам любить Господа за Его благодеяния, а мы чаще всего поступаем, как исцеленные прокаженные, которые пошли своим путем, даже не обернувшись на Христа.

Странный парадокс: человек в своей жизни испытал всё и забыл всё. Впрочем, сомнения, о которых я говорю, редко выплескиваются на уровне сознания. Чаще всего они гнездятся в глубине души, где страсти заглушают голос духа, где я вижу тайную любовь к греху, темное влечение к мерзостям страстей, любовь души – этого луча небесного света – к праху и гною. Через страсти человек теряет мистический опыт богообщения. Он перестает чувствовать Бога в своей душе. Страсть – это любовь к демону, который строит в душе идола – пустого внутри.

Человек может считать себя верующим, то есть «верить в свою веру», но в глубине сердца не быть таковым. Обычно в экстремальных ситуациях, в том числе психологического порядка, когда человек вступает в пограничную между жизнью и смертью зону, выявляется его сущность. Большинство из нас в это время ищет защиты и спасения во внешнем, и только убедившись в своей бессилии, вспоминает о Боге. Здесь Бог представляется душе не как Творец и Промыслитель мира, а как некий последний шанс. Опять психологическая загадка: почему человек любит демона, который, как вор, постоянно обманывает и грабит его? Людей, несправедливых к нему, человек считает врагами, а демона – своего убийцу – другом! Этот феномен человека отчасти приоткрывается учением о первородном грехе, который поразил, как все человечество, так и каждую душу. Змеи гнездятся в сердце человека, это – страсти, они властно

требуют себе пищи. Для воров нужен ночной мрак, и душа, послушная страстям, отключает свет духа, чтобы не видеть своего безобразия и падения, чтобы погрузиться в свое темное подземелье.

Благодать и грех не могут уживаться вместе. Розы не растут в свинарнике. Когда воля и ум заключают союз со страстями, то теряется чувство богоприсутствия. Душа сама отказывается от единства с духом и отождествляет себя со своими страстями и внешним миром, в котором находит для этих страстей пищу. Первородный грех поразили мир, как поле земного существования человечества, как систему взаимоотношений, как атмосферу и среду, в которых дышит и растет уже больная с самого своего зарождения душа. Мир все больше превращается в ступор страстей, его существование переходит в затянувшуюся агонию. Болезнь и безумие – индивидуальное и коллективное – создают свои комплексы, извращенные психические модели и системы. Приспосабливаясь к миру, человек включается в него, становится частью его. Здесь внутреннее безумие человеческого ума соединяется с коллективным безумием мира, если можно так выразиться – с организованным безумием и узаконенным хаосом. Человек забывает опыт богообщения, но человек забывает также и опыт мирообщения. Он легко забывает, что Бог есть, но также легко забывает, что мир это – фокусник и обманщик, и опять ищет с ним союза, как с другом. Мир никому не может дать счастья: как верующим, так и неверующим. Только верующий чувствует более глубокую тоску, когда мир пленяет его сетью его же страстей. А у неверующих эта тоска проявляется в глухой злобе, недовольстве, скуке, которые они стараются заглушить, как вином, потоком внешних впечатлений, телесными и душевными наслаждениями, как будто хотят заглушить боль от раны, непрестанно растравляя ее.

Душа человека все время находится в состоянии тревоги и напряжения. Разрыв между желанием и осуществлением или представлением и жестокой реальностью заставляет душу переживать постоянное разочарование: одни желают и не могут достичь желаемого и бьются, как рыба об лед, другие достигают того, что хотели, но оно оказывается не таким, каким его представляли, и они ищут нового, и опять, получив, не делаются от этого счастливее.

Материальное – это условие для существования духовного. Но если оно из условия превращается в цель, то становится западней для души. Материя в таком случае превращается в иллюзиониста, который показывает сказочные замки на сцене балагана. Душа любит этот мир. Она влюбилась в него, как человек нечаянно может влюбиться в воровку и блудницу. Она все время изменяет ему, заражает гноем его кровь, крадет у него все, что он имеет, а он все равно любит ее как предмет своей больной страсти.

Воля человека греховна. Внутренний грех солидарен с внешним. Воля Божия светла, поэтому ей противится весь мир и человеческая душа. Воля Божия – благо, но об этом более не хочет помнить пораженный, как проказой, грехом человек. Поэтому он лжет Богу и себе, когда говорит в молитве: «Да будет воля Твоя», – его тайная молитва: «Да будет воля моя». И падение, и спасение начинаются с воли. Здесь есть два пути.

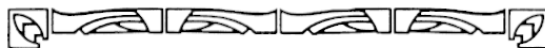
Первый, более легкий и безопасный, – это отсечение своей воли, предание себя послушанию, всецелое подчинение себя духовному руководителю, как если бы человек сам продал свою волю, как буйного и непослушного раба новому господину, который может усмирить и научить его.

Есть второй путь, трудный и тяжелый: человек должен помнить о неизбежной смерти, о тленности этого мира, помнить о том, что все здесь непостоянно, что мир беспрерывно обманывает нас, что мы оказываемся самыми первыми врагами для себя же, и научиться не желать ничего внешнего и мирского, а только воли Божией. Это не буддистское равнодушие по отношению к миру как отождествление добра и зла, бытия и небытия, а вера в то, что единственное истинное благо в этой жизни есть следование воле Божией и благоговение перед Его Промыслом.

Следуя первым путем, мы отдаем свою волю, следуя вторым, должны умертвить ее. Хотя вернее будет сказать, мы должны умертвить ее и в том, и в другом случае. И в первом, и во втором случае энергия воли переходит в область духа, и сама воля трансформируется в то, что святые отцы называли трезвением и бдением – хранением своего сердца и концентрацией души в молитве. Душа должна прийти к драматическому выводу о том, что богатство и нищета, здоровье и болезнь, победа и поражение, долголетие или ранняя смерть, исполнение или неисполнение планов и желаний – это не добро и не зло, а только определенные обстоятельства и ситуации, и что единственное и истинное добро – это Бог, а единственное зло – то, что стоит, как препятствие, между душой и Богом.

Душа не хочет этому верить и не верит. Она протестует и кричит, и здесь воля должна заставить душу поверить насильно, как насильно отучают пьяного от запоя. Здесь не интеллектуальное насилие над душой, а насилие над болезнью, это борьба за душу, единственной жизнью которой является Бог. Если взять главную заповедь о воле Божией, то она гласит: воля Божия – святость ваша (ср.: 1 Фес. 4, 3), а святость – это присутствие в душе благодати. Если человек приучит себя полагаться на Промысл Божий, верить в Промысл Божий, любить Промысл Божий, то он с благодарностью будет принимать то, что посылает ему Бог, и то, что мирские люди принимают как беду и несчастье, будет считать пламенной чашей, которую преподает ему Сам Господь; научится больше ценить земные скорби – соль, убивающую червей в его душе, – нежели земные радости, в которых эти черви размножаются и растут, заражая душу каким-то болезненным увлечением этим миром. Чтобы человек был по-настоящему счастлив, его жизнь должна вмещаться в слова «Слава Богу за все». Он должен отказаться от мира, чтобы получить вечный мир, отказаться от себя, чтобы получить самого себя.

О молитве

Самой широкой из всех заповедей, охватывающей всю духовную жизнь человека, заповедью, исполнение которой должно превратиться в постоянное состояние человеческой души, является заповедь о молитве. Ее выразил апостол Павел в двух словах: Непрестанно молитесь (1Фес. 5:17). Другие заповеди представляют собой или отдельные действия, совершаемые в определенное время, или чувства, которые не могут быть постоянными и неизменными. Даже любовь к Богу сменялась у подвижников периодами охлаждения. Этот духовный пламень то ярко горел в их сердцах, то промыслительно скрывался в глубинах и тайниках их духа.

Человеческая душа по своей природе проста, но после грехопадения единство ее сил нарушилось, они пришли в состояние болезненного разлада, обособления, часто противятся друг другу. В молитве же происходит соединение этих сил, пробуждение духа и обращение того, что Христос назвал «оком сердца», к Богу.

Благодать связывает грехи и страсти, но они продолжают жить и действовать в душе человека, даже в то время, когда ему кажется, что он на крыльях благодати поднялся выше грехов и уже всецело принадлежит Богу. Стоит ему только лишь ненадолго утратить благодать, как страсти, точно проснувшиеся звери, снова примутся терзать своими когтями его сердце.

Молитва – это свет души. Меркнет свет – и человек погружается во мрак. Он теряет чувство вечности, он перестает видеть самого себя. Бог становится для него не Живым Богом, Которого он ощущает всем своим существом, а отвлеченно-рассудочной идеей, похожей на холодный и далекий свет звезды.

Молитва стала для нас некой внешней данью, которую мы уплачиваем в определенное время, и то, стараясь уменьшить ее размер или вообще избежать ее. А между тем молитвословия, данные Церковью, необходимы, они являются средством для приобретения молитвы непрестанной. В жизни древних христиан молитва служила как бы стержнем, на который нанизывались прочие их добродетели, и доньше поражающие нас своим величием. Молитва была для них непрестанно текущим подземным источником, который незримо питал их деяния, мысли и чувства. Молитва была для них тем небесным огнем, отблески которого озаряют порой и нас, когда мы читаем творения подвижников и святых. Поэтому изречения аскетов, собранные в патериках, простые и краткие, но удивительно яркие и образные, похожие, кажется, на самих одетых в ветхие хитоны старцев, производят поразительное действие на сердца людей.

Человечество все больше удаляется от Бога. Когда-то можно было разделить мир на христианский и языческий. Теперь христианский мир похож скорее на огромную пустыню, где только изредка каким-то чудом уцелели немногие оазисы и по местам из-под камней и песка пробивается чахлая трава.

Единственная сила, которая может противостоять сыпучим пескам этой всепоглощающей пустыни, – это молитва.

Мир перестал понимать молитву. Он или отвергает молитву (чаще всего, ссылаясь на обилие необходимых внешних дел), или смотрит на нее, как на медитацию – средство для определенного психологического настроя, то есть приравнивает ее к аутогипнозу или самовнушению. И это по-настоящему страшно. Ведь мир, потерявший молитву, потерял Бога...

Самое опасное в духовной жизни – это компромисс. Компромисс постепенно делает человека фарисеем, у которого два лица и две воли. Именно из-за компромисса с духом мира тяжелеет наша душа и слабеет молитва. Дух мира привязывает человека к земле сотнями нитей.

Что нужно для того, чтобы научиться молитве?

Прежде всего, молитву надо считать самым главным делом в своей жизни, а все остальное – второстепенным. Нужно, чтобы вся наша жизнь способствовала молитве, а то, что мешает ей, было изгнано из нее. И это не есть отказ от внешней деятельности. Древние христиане добросовестно исполняли свои дела и работу, считая их служением не людям, а Богу. Мешает другое – наше неправильное отношение к миру, людям и себе самим. Ангелы посылаются служить людям, но от этого они не теряют молитвы. Молитва гаснет от нашего страстного, пленяющего сердце отношения к миру, его делам и проявлениям, от нашей всецелой преданности им.

Человек должен возненавидеть то, что препятствует молитве. Душа состоит из трех сил: ума, чувства и воли (в древней антропологии: мысленная, желательная и раздражительная силы).

Препятствием в молитве для рассудка является его гордыня. Гордыня рождает властолюбие и уверенность в своих силах. Если человек уверен в себе, то он не может просить. Его молитва превращается в заученный монолог, Бог перестает быть ему нужным. Ум, надеющийся на себя, отключается от Бога и под действием гордыни и страсти властолюбия старается черпать силы, как бы приобретать оружие и блеск для своего величия, во внешних знаниях. Здесь возникает любопытство ума. Человек загружает себя ненужными знаниями, которые считает своим интеллектуальным богатством. Эти знания питают его гордость, а тщеславие требует все новых знаний. Такой человек похож на скупого, который все тащит с улицы в свой дом. Его комната похожа на мусорную кучу, ему трудно дышать и передвигаться из-за хлама, но вместо того, чтобы выкинуть его, он собирает еще более ненужный хлам. Ум, загруженный ненужными знаниями, приобретенными из-за тщеславия и неукротимого любопытства, тянет душу вниз. Он похож на птицу с привязанными к крыльям свинцовыми слитками: она хочет взлететь, но не может, и только беспомощно ползает по земле.

Высоких молитвенных состояний обычно достигают люди простые умом и сердцем или же те, кто посчитал мирские знания, приобретенные ими, за пыль и прах.

Человек должен отказаться от ненужных знаний, чтобы иметь свободным то пространство души, в котором может действовать благодать.

Ложные знания – это исписанная и истертая доска, на которой невозможно уже ничего написать и изобразить. Ненависть к ложным знаниям и гордыне рассудка открывает перед человеком таинства веры и духовную мудрость. Незнание внешнего и преходящего, того, что не переходит в вечность, становится началом истинного знания духовного мира и пути к нему. А неведение того, что не нужно для спасения, что относится лишь к круговороту земного бытия, становится почвой, на которой растут цветы духовной мудрости. Птица, вырвавшаяся из петли, свободно взлетает вверх. Ум, обратившийся от многознания к простоте ребенка, входит в ту внутреннюю клеть, где он наедине беседует с Богом.

Что нужно сделать, чтобы сократить поток постоянно перегружающей нас информации? Сначала – отказаться от греховного, явно вредного, затем от ненужного, а потом даже нужное свести до минимума, до самого необходимого; при этом качество работы человека вряд ли ухудшится, так как вместо механической памяти в нем пробудится память творческая, он приобретет умение через малое достигать многого.

Следующим врагом молитвы является наслаждение, обольщающее человеческие чувства. Это эмоциональная провокация, которой человеческая душа поддается больше всего. Наслаждение – это суррогат счастья, демоническая подделка, призванная подменить собой потерянную человеком духовную радость. Оно оканчивается тягостным чувством внутренней опустошенности и при этом чем интенсивнее было само наслаждение, тем сильнее будет и последующее ощущение потери. За эмоциональным подъемом, пережитым душой, следует некий провал в душе – как бы тень смерти. И это самый верный знак того, что наслаждение отключает душу от Бога – источника жизни.

Современная культура, за немногими исключениями, представляет собой культ наслаждений, иногда – в подчеркнуто безобразном виде, а иногда – под внешне привлекательной личиной добродетели. Страстное сердце не может быть частицей неба, оно становится горстью земли. Сердце, загрязненное и обессиленное наслаждением, не только не может молиться, но даже противится молитве, ненавидит молитву, как пес ненавидит того, кто пытается вырвать у него отравленный кусок мяса. Такой человек или совсем бежит от молитвы, или только произносит заученные слова, как сочетание звуков, не понимая, к Кому он обращается и чего просит, то есть оставляет от молитвы лишь внешнюю форму.

Чтобы научиться молитве, надо возненавидеть наслаждение, как своего врага, отбросить то, что вызывает страсть, хотя бы это было так же трудно, как, по слову Спасителя, отсечь себе руку или выколоть глаз для того, чтобы войти в Небесное Царство (см.: Мф. 5, 29–30). Мир особенно яростно защищает свое право на страсть и наслаждение, полагая в этом главную цель человеческой жизни. Именно поэтому почти все искусство и занимается тем, что одевает разлагающийся труп наслаждения в шелковые одеяния и золотые украшения.

Чаще всего страсть возбуждается ярким чувственным образом; поэтому для приготовления к молитве образы, навеянные светским искусством и светской литературой, а также грезами и фантазией, должны безжалостно изгоняться, как воры, проникшие в наш дом.

Молитва – это зеркало внутреннего состояния человека. Молитва это суд над человеческой душой – верна ли она Богу.

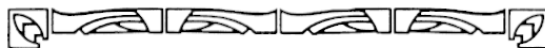
Третья сила души – сила воли. От нее зависит способность человека сосредотачиваться на нужном и защищать ум и сердце от ненужного. Иногда ее называют мужеством души. Волю расслабляет то же, что и ум, и сердце: многоведение, чрезмерная попечительность и суета, забвение главного и приманки наслаждений. Свойства воли – решимость и терпение.

В молитве трехчастная душа становится триединой.

Белый цвет кажется особенно ярким на черном фоне. Духовный свет становится особо интенсивным в поле волевого неведения. Апостол Петр сказал Христу: вот, мы оставили все и последовали за Тобою (Мф. 19:27). Оставили все – то есть земные обычаи, законы, представления и знания, то, что дает мир своим сынам; оставили все – то есть оставили свои человеческие помыслы и желания. Идти за Христом – значит идти путем молитвы, который проходит через человеческое сердце. Поэтому истинно молиться способны лишь те, кто, подобно апостолам, могут сказать: Вот, мы оставили все и последовали за Тобою.

Молитва – это смерть и воскресение. Кто не умирает для мира, тот не может воскреснуть для вечности. Кто не отказался от себя, тот не может найти себя.

Блаженны нищие духом

Древние монахи говорили, что Иисусова молитва – это сокращенное Евангелие, поэтому на каждой странице Евангелия как бы безмолвно дышит и светится невидимым светом Иисусова молитва.

Апостол Иоанн Богослов сказал, что цель Евангелия – открыть людям, что Иисус Христос есть Сын Божий, чтобы они, веруя в Него, имели в Нем жизнь вечную (см.: Ин. 20, 31). Через Иисусову молитву сердце человека получает свидетельство не от книги, не от людей, а от благодати, что Христос истинно Сын Божий и только в Нем вечная жизнь. Все заповеди Нового и Ветхого Заветов могут раскрыться перед нами как учение об Иисусовой молитве.

Первая заповедь блаженства гласит: Блаженны нищие духом (Мф. 5:3). Духовная нищета – это внутреннее самоотречение. Человек, воспринявший ее, отказывается от своих иллюзорных богатств, от того, что так ценит слепой и страстный мир. Он отказывается от временного и преходящего, от того, что становится добычей тления и смерти. Он освобождается от своих страстных привязанностей, он с болью отрывает их от сердца, как червей, присосавшихся к ране. Он перестает доверять своим суждениям, как пропитанным ложью. Его душа похожа на корабль, из которого во время бури выбрасывают весь ненужный груз, чтобы он не утонул и не погрузился на дно с теми драгоценностями, которые спрятаны в его трюме. Или – на борца, который выходит на сражение обнаженным, чтобы противник не мог схватить его за одежду и бросить на землю. Нищий духом – тот, кто надеется не на себя, а на Бога, не на свой разум, не на свои таланты, не на помощь людей, а только на Промысл Божий. Поэтому он отказывается не только от мира, но и от образов мира в своей душе, от помыслов, колеблющих его ум. Быть нищим духом – значит иметь свое сердце свободным для Бога. Быть нищим духом – значит отречься от всего ради Одного и в этом Одном получить все. Но если для внешней, телесной нищеты достаточно однажды раздать все свое имущество, то для нищеты духовной необходима постоянная внутренняя борьба со страстными образами этого мира.

Заповедь никогда не может быть исполнена человеком в совершенстве – это путь, не имеющий конца. Быть нищим духом – значит стоять умом с молитвой у своего сердца и прогонять помыслы, возникающие в его глубине. Быть нищим духом – значит служить Богу в тайне молчаливого сердца, имея его нищим от помыслов этого мира. Человек, избавляясь от собственных помыслов, избавляется и от демона печали. Поэтому нищий духом всегда радостен. В сердце нищего духом рождается Иисусова молитва. В сердце «богатого» мыслями, хотя бы блестящими и возвышенными, молитва начинает меркнуть и гаснуть. Есть блаженная нищета – отказаться от богатства вещественного и мысленного ради Бога. Есть другая, сатанинская нищета – потерять Самого Бога; в этом смысле нищие – это демоны, у них есть все, кроме Бога.

Большая часть наших помыслов всевается в нас темными духами, поэтому отказаться от помыслов – это отдать свое ложное имение нищим – демонам, тем, кто наполняет мечтаниями нашу страстную душу и наш гордый ум. Ставшие нищими духом по Богу не должны приобретать растраченное «богатство» вновь, иначе получится сизифов труд: человек несет камень к вершине, но он выпадает из рук и снова катится вниз. Нищий духом должен отказаться не только от того, что возбуждает в душе страсти и явно влечет ко греху, но и от всего того, что не от Бога: от мирского искусства и литературы, от пустых бесед, от игр и забав, от всякой ненужной информации. Даже в чтении духовных книг он должен ограничивать себя, чтобы не отнять времени и сил у лучшего – у молитвы и нечаянно не развить в себе духовного слагостолюбия и тщеславия. Простое чтение духовных книг без руководства ими в повседневной жизни

является подделкой духовности, ложью, тем несправедливым богатством, от которого и должен отречься нищий духом. Духовные знания, не добытые трудами и кровью и не претворенные в жизнь, делают человека фарисеем, который гордится знанием Торы наизусть. У нищего духом даже сама молитва не должна быть многословной. Гораздо больше соответствует его нищете молитва краткая по форме, но продолжительная по времени. Нищему не подобает красочно и поэтически описывать свою нищету или разыгрывать драму перед публикой, ему достаточно одного слова «помогите!». Настоящая нищета, будь то духовная или телесная, немногословна. И потому всё учение об Иисусовой молитве и о борьбе с помыслами, которое оставили нам святые отцы, по сути своей является раскрытием и исполнением все той же первой заповеди – блаженны нищие духом.

В настоящее время некоторые церковные писатели пытаются пойти дальше святых отцов и «усовершенствовать» технику Иисусовой молитвы. Примером этого является обширная статья «О молитве» митрополита Антония (Блума). Здесь поставлены в один ряд преподобный Серафим Саровский, Франциск Ассизский, Оптикинские старцы и др. Автор хочет синтетически рассмотреть их опыт и незаметно сходит с пути, проложенного святыми отцами. Митрополит Антоний пишет о том, что после произнесения Иисусовой молитвы надо не спешить с ее повторением, а прислушаться к своей душе в молчании и постараться в этой паузе услышать ответ от Бога. По мысли митрополита Антония, мы говорим с Богом, но не слушаем Его, поэтому похожи на собеседника, который внимает только своим собственным словам. Этой своей мысли митрополит придает первостепенное значение и сообщает, что многие из его паствы, кому прежде Иисусова молитва не давалась, после принятия его методики почувствовали оживление молитвы и интерес к ней. «Раньше я в молитве только говорила, а теперь слушаю Бога», – с благодарностью сообщила митрополиту одна из его духовных дочерей. Что же происходит в таком реформированном варианте молитвы? – Соединение и чередование молитвы с медитацией. Пауза молчания – это медитативное созерцание своего собственного подсознания; при этом рождающиеся в нем субъективные переживания и смутные представления воспринимаются как ответ Бога. Само ожидание Божественного ответа не лишено гордыни: человек считает, что у него «созданы» внутренние условия для того, чтобы голос Божий зазвучал в его душе, он поступает так, как будто берет телефонную трубку, говорит «алло» и слушает ответ с другого конца провода. Здесь происходит потеря самого главного для молитвы – чувства своего недостойнства и греховности. Переживания неочищенной страстной души становятся предметом молчаливого созерцания; они культивируются, то есть искусственно возбуждаются вниманием и интересом к ним. Этот западный пиетизм в лучшем случае делает человека гурманом молитвы, а в худшем – приводит к прелести.

Восхищение ума к Богу у православных подвижников происходило неожиданно для них, а не по методу и плану, происходило зачастую именно тогда, когда они считали себя недостойными воззреть на высоту небесную, и лишь взывали из глубины сердца: «Господи, помилуй мя, падшего», когда они молились только об одном – о прощении своих грехов. Человек, обращающийся в молитве к Богу, никогда не остается без ответа, но этот ответ – помощь Божия в его жизни, особенно в его духовной борьбе. Иногда человеку кажется, что его молитва не услышана, но она исполняется не так, как хочет слепой и страстный человек, а по воле Божией, премудрой и благой.

Слышать или видеть Бога в своем сердце, вызывая Его молитвой, как бы заклинанием, или представлять Бога, действующим в нашем сердце, силой своего разгоряченного воображения – это значит в самом же начале извратить путь к богообщению. Бог по Своей любви не может явиться душе человека гордого и страстного, так как это было бы злом, потому что укрепило бы такого человека в самомнении, а значит – в обольщении.

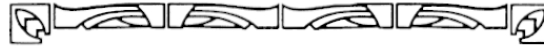
Но митрополит захотел синтезировать опыт восточных исихастов и западных визионеров-пиетистов, захотел как бы объединить восточных и западных монахов в один монастырь

и в результате создал свою особую «мистику». В такой методике трудно понять, что является паузой: молчание между молитвой или слова молитвы между молчаливым прислушиванием к своей душе в ожидании «ответа от Бога».

Всякий синтез истины и лжи превращается в правдоподобную ложь. Ошибка в области мистики разрушительно проявилась и в области догматики. Поэтому, отвечая на вопросы студентов Московской Духовной Академии, митрополит признался, что он верит в спасение людей вне христианской веры по их личным нравственным достоинствам.

Нищий духом не программирует в своей молитве встреч с Божеством, озарений и откровений. Он изумляется одному – милосердию Божию к нему, последнему грешнику.

Стяжание благодати

Спасение – это стяжание благодати, той невидимой силы Божией, действием которой преобразуется человеческая душа.

В благодати всегда все новое, она неисчерпаема, как Само Божество. Благодать открывает человеку три видения. Первое – видение мира Божественного, который становится для него внутренней очевидностью, и внутреннее видение этого мира никогда не представляет собой две одинаковые и тождественные картины. Благодать открывает духовный мир всегда как новое и неожиданное в различных емкостях и глубинах. Это видение не имеет материальных форм, красок и очертаний, но в то же время это не пустота как некий бездонный вакуум, не метафизическая темнота, в которой душа человека теряется, – это мир других измерений, который открывается душе как незримый свет, совершенно несравнимый со светом физическим, с отблесками пламени или лучами солнца.

Второе видение – это собственная душа человека, внутренняя бездна. Благодать открывает человеку его душу в ее растлении грехом, в гное страстей, в ее глубоком падении. Само видение греха является началом исцеления. Здесь странная и непонятная антиномия: благодать открывает взору человека темное дно его сердца, где копошатся, как змеи, страсти, и в то же время делает его душу все более прекрасной, как бы снимает с нее грязные лохмотья и облачает в белый венчальный наряд.

Третье видение, которое подает благодать, – видение мира, окружающего нас. Человек видит в мире то же, что в своей душе, – отпадение его от Бога и следы потерянного рая. И он начинает любить этот падший мир, но уже другой, непристрастной к нему любовью, соединенной с жалостью, с болью о том, что люди сами ввергли себя в море страданий, что они глухи к призывам Бога. Благодать открывает человеку трагедию мира, он познает Божественную любовь, которой мир не принимает. Благодать открывает человеку, что самое страшное несчастье – это неведение Бога и вечная смерть, поэтому человек начинает по-настоящему сострадать тем, кого он прежде считал своими врагами.

Благодать всегда творит новое. Но откровение Божие было дано Церкви, и поэтому таинства, богослужения, молитвы как духовные каналы благодати имеют свою форму, устанавливавшуюся веками. И здесь опять антиномия: в одних и тех же формах таинств, обрядов и молитв человек должен и может находить новое содержание, так как обряды – это символы, которые включают человека в мир бесконечного, где нет границ и пределов для духовного совершенства.

Возьмем пример: взору человека небосвод представляется ограниченным горизонтом, это как бы голубая сфера или хрустальный купол, венчающий землю; однако в действительности небо не только безгранично в своих глубинах, но и всегда неповторимо для человека. Если христианин будет внимательно читать церковные молитвы, то раз за разом будет открывать в них что-то новое и прежде неведомое, проникать в их смысл, переживать по-иному каждое слово; ему будет казаться, что он впервые читает молитву, которую давно знает наизусть. Потому-то некоторые из святых отцов и называли молитву творчеством; только это особенное творчество, обращенное не во вне, а к своей собственной душе. Молитва сопряжена с усилием. Наша ленивая плоть и страстная душа противятся ей. Часто эта борьба бывает напряженной и мучительной, человек противостоит своему падшему естеству, миру, который врывается в него через помыслы и обольстительные картины, и демоническим силам, которые при попусчении

Божием мучают человека, наполняют его сердце тоской, безотчетным страхом, ненавистью, а иногда доводят до состояния полного изнеможения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.